

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Архиповой Ирины Викторовны
«Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Актуальность диссертационного исследования Ирины Викторовны Архиповой «Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие» можно усмотреть в том, что на данном этапе развития языкознания, точнее, теории грамматики, ощущается необходимость инвентаризации средств выражения таксисных значений за счет расширения ассортимента соответствующих языковых показателей. Необходимо отметить, что в последние двадцать лет в области изучения глагольной категории таксиса происходит смещение фокуса внимания лингвистов с центральных маркеров таксисных значений – таких, как финитный глагол и вербоиды (деепричастия, причастия, герундий и т. д.), к девербативам (отглагольным образованиям именной природы) и к служебным словам (союзам и предлогам). Рассматриваемая диссертация в ее эмпирической части посвящена именно девербативам и служебным словам как выразителям таксисных значений.

Вопросы межкатегориального взаимодействия также являются одним из приоритетов современной теории грамматики¹, однако мейнстримом как в типологии, так и в теории языка является понимание взаимодействующих категорий как категорий грамматических (морфологических), в то время как в оппонируемой диссертации, ориентированной, как заявлено автором, «на функциональную грамматику А. В. Бондарко» (с. 6), категории явным образом понимаются иначе. Приведем цитату: «В фокусе нашего исследовательского интереса находится функционально-семантическая концепция категории таксиса, имеющей полевою структуру, и описание

¹ Начиная с публикаций 1990-х гг.: Храковский В.С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18–36; Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1996; и до недавней коллективной монографии 2020 г.: В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков (отв. редакторы). Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020 (последняя диссертантом не учтена).

межкатегориального взаимодействия в данном поле» (с. 36). Ясно, что внутри категории таксиса, если понимать ее как категорию грамматическую, не может быть никакого «межкатегориального взаимодействия» феноменов, обладающих статусом грамматической категории: взаимодействующие феномены по необходимости обязаны быть явлениями иной природы. В то же время, прояснения позиции диссертанта относительно того, как именно понимается «категория» в рамках диссертационного исследования, оппоненту обнаружить не удалось: дефиниции и пояснения на эту тему в тексте диссертации отсутствуют. Равным образом не удалось обнаружить и того, что именно вкладывает диссертант в понятие «актуализация», присутствующее в названии диссертации: «Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие» и, что очевидно, являющееся краеугольным камнем для данного исследования. Таким образом, оба ключевых понятия, вынесенные в заголовок исследования, на взгляд оппонента явно нуждаются в дефиниции, поскольку с большой долей вероятности эти понятия (и соответствующие им термины) употребляются автором не так, как это принято если и не во всей лингвистической литературе, то в ее обширных и весьма авторитетных сегментах, однако дефиниции, позволяющие лучше понять автора диссертации, в ее тексте отсутствуют².

На основании выполненных диссертантом исследований языкового материала пяти языков, извлеченного из пяти языковых корпусов, *реализована попытка применить* широко известную в отечественной лингвистике *теорию функционально-семантического поля (ФСП) А. В. Бондарко*, отечественного варианта функциональной грамматики, *к семантической зоне таксисных отношений в рамках высказывания, дополнив ее идеей межкатегориального*

² Первое (после оглавления) вхождение этого термина встречается на с. 9 в следующем высказывании: «Выделяемые таксисные семантические комплексы выступают в качестве средства актуализации семантического синкретизма в сфере таксиса», решительно ничего не проясняя относительно закономерно возникающего вопроса, что же понимается под «актуализацией таксиса». Ниже читатель также не найдет определения границ этого понятия, однако по контексту («актуализация таксисных значений», «актуализация семантического синкретизма», с. 49 и т. д.) он может предположить, что «актуализация» в данной работе является синонимом реализации.

взаимодействия (в принятом автором смысле), и разработать на этой основе цельную концепцию.

Вводя читателя в проблематику своего исследования, диссертант пишет во «Введении»: «В фокусе нашего внимания находятся феномены синкретизма, межкатегориального кроссинга и межкатегориальной инклюзии в пространстве таксиса» (с. 6). Чуть ниже, на с. 7, он продолжает: «В исследовании освещаются вопросы семантического синкретизма и вариативности в сфере реализации таксисных значений и разрабатываются таксисные полисинкретические и моносинкретические семантические комплексы, реализующие значения одновременности, псевдоодновременности и разновременности (примарно-таксисные, секундарно-таксисные и др.)». И в той и в другой цитате читатель встречает неизвестные (если он не был знаком с научным творчеством диссертанта ранее) понятия «межкатегориального кроссинга», «межкатегориальной инклюзии», «таксисных полисинкретических и моносинкретических семантических комплексов», «примарно-таксисных значений», «секундарно-таксисных значений», а также потенциально неоднозначные понятия «синкретизма» и «семантического синкретизма». Читатель диссертационного исследования, оставшийся без авторских дефиниций и пояснений, вынужден продолжить чтение, встречаясь с теми же понятиями и далее, например, в определении объекта исследования на с. 7: «Объектом исследования выступают таксисные полисинкретические и моносинкретические семантические комплексы и субкомплексы одновременности и разновременности в высказываниях с предложными девербативами»; а также далее при формулировании цели и задач, определении научной новизны и в перечне выносимых на защиту положений. Оппонент придерживается мнения, что если в рамках «Введения» автор не счел уместным дать большой объем дефиниций и пояснений, то следовало бы отослать читателя к последующим разделам работы, где можно было бы получить необходимую информацию, например, при первом появлении термина «предложный девербатив», которое

имеет место на с. 6, отослать читателя к с. 37, где толкуется это понятие. Отметим также, что появление терминов ad hoc, без определений и пояснений, вовсе не ограничивается «Введением» и такая практика распространена шире: например, «примарный таксис» и «секундарный таксис» на с. 44, «монотаксисная и политаксисная функция» на с. 47.

Насколько удалось понять оппоненту, предложенная диссертантом концепция сводится к выработке на основе систематизации неглагольных языковых средств, участвующих в реализации таксисных значений (с особым вниманием к управляемым предложениями отглагольным именам, называемым предложными девербативами), и уже разработанного и описанного в литературе семантического спектра таксисных значений, весьма разветвленной номенклатуры для описания их взаимодействия. (См. перечень вводимых терминов на с. 10: «предложный девербатив, таксисный бином, примарный таксис, секундарный таксис, итеративно-примарный таксис, итеративно-секундарный таксис, модальный таксис, инструментальный таксис, медиальный таксис, каузальный таксис, кондициональный таксис, concessивный таксис, консекутивный таксис, финальный таксис, монотаксисный предлог, политаксисный предлог, таксисный маркер, таксисный актуализатор, таксисная контекстема, таксисный полисинкретический семантический комплекс, таксисный моносинкретический семантический комплекс, таксисный моносинкретический семантический субкомплекс, межкатегориальный кроссинг, межкатегориальная инклюзия».) Таким образом, есть все основания констатировать, что диссертант в большом количестве вводит новые понятия и термины, используя вместе с тем понятия и термины, уже известные языкознанию, однако в несколько необычной трактовке, причем без фиксации новизны и без аргументирования необходимости введения новых терминологических наименований или перехода от ранее созданной в лингвистике номенклатуры к новой.

Теоретическая значимость исследования, на взгляд оппонента, заключается в том, что диссертант раскрыл дополнительные возможности теории функционально-семантических полей, разработанной А. В. Бондарко, и показал ее возможности применительно к описанию функционального взаимодействия широкого круга разноуровневых (лексических и грамматических) языковых явлений в процессе речепорождения, в частности, для выражения таксисных отношений между описываемыми в высказывании ситуациями.

Вместе с тем, оппонент считает необходимым отметить, что в обосновании предлагаемой диссертантом теоретической платформы исследования отсутствует достаточный уровень аргументированности. Для обоснования этого утверждения приведем несколько примеров. В первой главе диссертации, озаглавленной «Функциональная категория таксиса: теоретико-методологический обзор», вкратце излагается концепция основоположника учения о таксисе, Р. О. Якобсона. Там же, в рамках обзора вклада в изучение таксиса других исследователей, определенное внимание диссертант уделяет коллективной монографии «Типология таксисных конструкций» (ответственный редактор В. С. Храковский, М.: Знак, 2009), явившейся вехой в истории изучения таксиса отечественной лингвистикой не в меньшей степени, чем работы А. В. Бондарко, автора теории функционально-семантических полей, на которую описывается диссертант. Однако подробный и хорошо аргументированный анализ тех направлений в изучении таксиса, которые В. С. Храковский называет узким и широким, а также его разбор существенно различных подходов к независимому таксису, принятых в рамках упомянутой коллективной монографии, с одной стороны, и в трудах А. В. Бондарко, с другой, см. сс. 13-20 упомянутой монографии, диссертант полностью игнорирует. Это не может не удивлять, поскольку читателю диссертации остается неясным, на каком именно основании автор диссертации останавливается на одном из двух конкурирующих подходов, и почему избранный диссертантом в качестве теоретической основы

собственного исследования подход А. В. Бондарко видится ему более предпочтительным³.

Второй пример имеет отношение к использованию диссертантом наследия А. В. Бондарко, в частности, к введенному этим автором понятию категориальной ситуации. Сравним определения этого понятия, данные Бондарко и диссертантом. «Категориальные ситуации (КС) трактуются нами как выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры: а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации; в) являющиеся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания» (А. В. Бондарко. Категоризация в системе грамматики. М., 2011. С. 39-40). Сходная формулировка, но взятая из более ранних трудов А. В. Бондарко, приводится в оппонируемой диссертации на с. 42. Однако непосредственно после определения категориальной ситуации за авторством А. В. Бондарко на с. 42 появляется утверждение диссертанта: «Термин *категориальная ситуация* следует рассматривать как некое родовое⁴ или гиперонимическое понятие, интегрирующее видовые, или гипонимические понятия, в частности, таксисную, аспектуальную, персональную, качественную, количественную, локативную, посессивную, кондициональную и др. ситуации». Однако каким образом из множества категориальных ситуаций, привязанных к уровню высказывания и представляющих некие аспекты сигнификативных ситуаций,

³ Приведем высказывание из (Храковский 2009: 20), в котором В. С. Храковский четко становится на одну из позиций: «С нашей точки зрения, более целесообразно придерживаться узкой трактовки категории таксиса и трактовки зависимого и независимого таксиса в духе Р. О. Якобсона. В этом случае речь идет о группе однородных хронологических значений: одновременность, предшествование, следование, которые правомерно характеризовать как взаимоисключающие друг друга граммы одной категории.

Что же касается широкой трактовки, то она, как мы уже отмечали выше, тоже справедлива в том смысле, что и в ее рамках речь идет о выражении хронологических значений, однако у этих значений неодинаковый статус: в одном случае эти значения можно характеризовать как основные, а в другом — эти значения выступают как фоновые, сопровождающие другие основные значения и выражаемые, если можно так сказать, по умолчанию».

⁴ Цитата приведена в авторской орфографии и пунктуации; отметим, что по действующим правилам русской пунктуации перед «или» и после «гиперонимическое» следует поставить запятые.

каким образом из (потенциального) множества КС для каждого из функционально-семантических полей (ФСП), в том числе и для поля таксиса (ср. дефиницию таксисных ситуаций – во множественном числе – на с. 51 указанной монографии А. В. Бондарко), был совершен переход к единственному для каждого ФСП «гиперонимическому понятию» в определении диссертанта, остается совершенно неясным. Налиеству лишь утверждение: «следует рассматривать», но по какой причине следует это делать, что побуждает отказаться от определенного Бондарко понятия и внезапно, без единого аргумента, дать другое определение, в котором потенциальное множество КС сводится к одному «гиперонимическому понятию», решительно непонятно.

Последний пример имеет отношение к еще одному случаю переименования понятий из теории ФСП А. В. Бондарко и еще одному примеру отсутствия какого-либо аргументирования вводимых новаций. На с. 75 диссертации читаем: «Таксис рассматривается как функционально-семантическая категория, имеющая бицентрическую полевую структуру, и актуализируется в виде ФСП»⁵. Однако непосредственно после этого утверждения сказано следующее: «Бицентрическая структура поля таксиса позволяет охарактеризовать его как *таксисный бином* с функциями зависимого / независимого таксиса и наличием центральных / периферийных компонентов». То есть постулированная Бондарко бицентрическая структура поля «позволяет охарактеризовать его» взятым из математики термином *бином*, означающим просто двучлен и применяемым для любых выражений с двумя одночленами, будь то сумма, разность и т.д. (к примеру: $a + b$, $a - b$, $a^2 - b^2$ и т. под.). Чем *таксисный бином* лучше введенного Бондарко положения о наличии в поле таксиса двух центров (бицентрической структуры), или двух ядер, диссертант нам не сообщает, не обнаруживая каких бы то ни было

⁵ Отметим, что это утверждение вполне согласуется с позицией А. В. Бондарко, ср.: «Полицентрическая (бицентрическая) структура рассматриваемого поля (речь идет о ФСП таксиса. – Е.Г.) определяется различием функций зависимого и независимого таксиса» (Бондарко 2011: 31).

претензий на аргументирование необходимости изменения терминологии. Остановимся на этих трех примерах, хотя их ряд можно продолжить.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики обусловлено предложением диссертанта использовать созданную им систематизацию и номенклатуру для исследований таксиса на материале других языков, а также готовностью диссертанта применить собранный им эмпирический материал для «сборников упражнений по грамматике немецкого, русского, английского, нидерландского и польского языков» (с. 11 автореферата), и применить результаты исследования «в практике вузовского преподавания курсов по теории языка, теоретической грамматике», «в элективных курсах «Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике», «Семантический синкретизм в грамматике», «Семантический потенциал предлогов», «Функциональный потенциал отглагольных имен»» (Там же).

Оценка достоверности результатов исследования выявила, что несмотря на то, что исследование базируется на такой уже прошедшей испытание временем теоретической концепции, как теория ФСП, и несмотря на использование такого современного подхода к сбору материала для лингвистического исследования, как обращение к языковым корпусам, сделать вывод о достоверности полученных результатов оппонент не имеет возможности. Это обусловлено тем, что диссертант ни в одном случае не дает описания осуществленного в корпусе запроса, не приводит данных о корпусной выдаче, ничего не говорит о применяемых им методах работы с выдачей (какая часть выдачи была использована, если не вся выдача, то по каким принципам вводились ее ограничения, как отсекался «мусор» - ненужный материал, попавший в выборку, например, в силу омонимии или полисемии), а также не приводит электронных адресов извлеченных из корпуса примеров. Все перечисленное делает принципиально невозможным верификацию (воспроизводимость) полученных результатов, а следовательно, и сделанных на их основе выводов. Диссертант не предоставил

читателю своего исследования ни единого шанса пройти тем же исследовательским путем и сопоставить результаты, поэтому говорить в данном случае о достоверности результатов в смысле их воспроизводимости не представляется возможным.

Имеется и еще одно немаловажное обстоятельство, которое никак не способствует адекватному восприятию эмпирического материала исследования. Исследование осуществлено на материале пяти языков (немецкого, русского, нидерландского, английского польского), извлеченном из пяти языковых корпусов. Четыре из этих языков не совпадают с языком диссертации. По сложившимся в современной сопоставительной и типологической лингвистике нормам, материал всех языковых иллюстраций, кроме языка самого исследования и английского (как международного языка науки), нуждается в глоссировании – поморфемном переводе на язык публикации в соответствии с так называемыми «Лейпцигскими правилами глоссирования» (см., например, обе упомянутые выше в сноске 1 коллективные монографии под редакцией В. С. Храковского, где это правило неизменно соблюдается, а также включение «Лейпцигских правил» в качестве приложения в учебник В. Б. Касевича для студентов первого курса: Введение в языкознание, 3-е изд., стер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2012). Однако в диссертации Ирины Викторовны Архиповой отсутствует не только глоссирование, но и перевод нидерландского, немецкого и польского иллюстративного материала, извлеченного из корпусов, на язык публикации; по большей части нет и переводов приводимых списками глаголов, служебных слов и предложных девербативов (см. сс. 55-62, 76, 79-115, 138-146, однако спорадически появляются переводы нидерландских предлогов на сс. 142-143 и польских на сс. 146-151, то есть наблюдается непоследовательность по отношению к переводу языкового материала). Указанное обстоятельство является недостатком, существенно затрудняющим восприятие текста диссертации.

Личный вклад диссертанта в исследование бесспорен и состоит в его непосредственном участии в получении исходных языковых данных, в личном участии в апробации результатов исследования (выступление с докладами на нескольких десятках всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях в период с 2001 по 2022 гг., см. перечень на сс. 11-12 автореферата), в подготовке публикаций по теме диссертации (всего 182 работы, из них 39 статей в журналах, включенных в реестр ВАК при Минобрнауки Российской Федерации (из них 5 статей в изданиях, входящих в базу данных Scopus), 7 монографий (в том числе, 4 – коллективных); часть из них – в соавторстве, см. с. 12 автореферата, а также библиографический список на сс. 436-475 диссертации, который, однако, далеко не в полной мере отражает публикации диссертанта).

В то же время, оппонент вынужден отметить, что при наличии в тексте диссертации довольно значительных пересечений с публикациями ее автора (выполненными индивидуально или в соавторстве), что является совершенно естественным для жанра диссертационного исследования, далеко не во всех случаях диссертант указывает на источник: тем самым самоцитирование не было оформлено надлежащим образом. Наибольший объем (15% текста диссертации)⁶ такого недобросовестного самоцитирования приходится на монографию: И. В. Архипова, С. В. Шустова. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021, но также это характерно и для целого ряда индивидуальных статей И. В. Архиповой, на которые не оформлены ссылки в тексте диссертации и описания которых не включены в библиографический список в качестве источников работы.

Положения, выносимые на защиту, находят обоснование (или отражение) в работе. Относительно научного обоснования вводимых

⁶ По данным экспертной оценки текста диссертации И. В. Архиповой, выполненной оппонентом в системе «Антиплагиат». Справка о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований в системе «Антиплагиат. Вуз» и отчет о проверке на заимствования прилагаются к данному отзыву.

терминов, в частности, «таксисного бинома» – понятия, являющегося частью первого выносимого на защиту положения, речь шла выше, на с. 7 данного отзыва, а ниже, на с. 12, будет сказано о фактическом пересечении множеств элементов различаемых классов без комментирования этого факта в выносимом на защиту положении 4.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию. Публикации по теме диссертации с высокой долей вероятности раскрывают положения, выносимые на защиту (оговоримся, что у оппонента не было достаточного временного ресурса, необходимого для ознакомления со 182 публикациями диссертанта). Автореферат диссертации достаточно полно отражает ее содержание.

Сведем воедино сделанные замечания, к каждому из которых может быть поставлен общий вопрос: почему диссертант поступил так, а не иначе?

1. Отсутствие дефиниций вводимых понятий при их первом появлении без отсылки к последующим разделам, где они, возможно, представлены, или полное отсутствие дефиниций используемых понятий во всем тексте диссертации.
2. Отсутствие аргументации при вводе диссертантом новых терминологических наименований для уже имеющихя явлений (например, *таксисный бином*) или при переосмыслении уже имеющихя понятий без их переименования (например, *категориальная ситуация*).
3. Отсутствие аргументации выбора того или иного из предложенных предшественниками диссертанта решений (подходов) в случае наличия в литературе вопроса дискуссии.
4. Отсутствие глоссирования, а также, в большинстве случаев, обычного перевода на язык диссертации немецкого, нидерландского и польского языкового материала.

5. Отсутствие необходимых для верификации полученного корпусного материала сведений в виде их электронных адресов, а также, что представляется еще более важным, отсутствие описания методики работы с корпусом: вида запроса, размера выдачи, сведений о том, проводилась ли работа по очистке выдачи от так называемого мусора (материала, попавшего в выборку случайно в силу неразведенной омонимии и/или полисемии).
6. Наличие в тексте диссертации самоцитирования, не оформленного должным образом, то есть со ссылкой на индивидуальную или реализованную в соавторстве публикацию автора и включением таких публикаций в библиографический список диссертации.
7. Неполный учет литературы вопроса, а именно той, где присутствует используемая диссертантом терминология, однако с иным значением (см., в частности, объем понятия «межкатегориальное взаимодействие» и монографию: Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола. В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков (отв. редакторы). СПб.: РАН, Институт лингвистических исследований, 2020).

У оппонента при чтении текста диссертации возникли также более частные вопросы, которые приведены ниже.

1. Неоднократно в диссертационном исследовании в качестве результатов приводятся множества языковых средств, относимых в рамках классификационной схемы диссертанта к разным классам, однако эти множества оказываются пересекающимися, с общими элементами, причем комментариев автора относительно таких пересечений нет. Впервые это встречается в выносимом на защиту положении 4 на с. 13 диссертации, где речь идет о разных классах примарного и секундарного таксиса, однако множества предлогов того и другого класса равным образом содержат

предлоги *in, bei, mit, voor, do, at, upon, with* (первое множество по сути целиком входит во второе, обладая лишь одним собственным элементом – русским предлогом *при*). Другой такой случай имеет место на сс. 50-52, где и к «высказываниям примарного типа», и к «высказыванием секундарного типа» отнесены «высказывания, содержащие предложные девербативы с таксисными предлогами темпоральной семантики» *bei, mit, vor*. Просьба пояснить: как это следует понимать, и если это не ошибка, а нечто, поддающееся разумному объяснению, то почему в тексте диссертации описанные случаи пересечения множеств элементов, отнесенных к разным классам, не сопровождаются необходимыми комментариями?

2. Как именно в рамках предложенного в диссертации подхода понимается актуализация (таксиса) и каким видится ее механизм? Сопутствующий вопрос: существует ли таксис без актуализации? Если да, то хотелось бы получить такие примеры – таксиса не актуализованного, однако реализованного.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, и она соответствует требованиям, изложенным в пункте 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней».

Однако данная диссертация не вполне отвечает изложенным в пункте 10 «Положения» требованиям о том, что «предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями», и не в полной мере соответствует требованиям, изложенным в пункте 14 «Положения», в соответствии с которыми «при

использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени обязан отметить в диссертации это обстоятельство». Оппонент полагает, что в данной непростой ситуации чаша весов общей оценки должна склониться в сторону соответствия диссертации пункту 9 «Положения».

Автор диссертации, Ирина Викторовна Архипова, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Профессор, доцент,
доктор филологических наук

Е. В. Горбова

26 августа 2022 года

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

удостоверяю 26.08 2022 года

Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Ведущий документовед
отдела персонала
и социальной работы

Е. В. Рубинчик